

А. В. Нестерова

Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург

Авторская рецепция пастырского слова в сборнике конца XVII в. «Статир»¹

«Статир» — обширный и малоизученный памятник древнерусской письменности, созданный во второй половине XVII в. в центре Строгановских владений. Это уникальный по содержанию сборник авторских проповедей, самобытность и художественная ценность которого сопоставима с сочинениями выдающихся авторов своей эпохи, таких, как протопоп Аввакум и Симеон Полоцкий. Автор данной рукописи, несмотря на отсутствие в XVII в. сложившейся практики написания проповедей от первого лица, принимает решение создать и зафиксировать на бумаге собственные поучения, выказывая при этом удивительную самостоятельность в интерпретации традиционных сюжетов и выводах. Эти особенности вызывают интерес к личности создателя текста.

Объем рукописи составляет 815 листов, она содержит 156 «слов» (тематических поучений, приуроченных, как правило, к праздникам церковного года), двухчастное Предисловие, молитвы об окончании работы, составленные автором, и заключительные вирши [Сборник слов и поучений «Статир»]. «Статир» был создан в 1683–1684 гг. в Прикамье, центре Строгановских владений второй половины XVII в. — Орле-городке. Зная время и место написания данной рукописи, мы не можем назвать имя создателя. Оно оказалось скрыто по невыясненным причинам (см. об этом: [Соболева, Мангилев]). Актуальным остается вы-

¹ Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора, профессора кафедры русской и зарубежной литературы Уральского федерального университета Ларисы Степановны Соболевой.

вод, сделанный исследователем Д. М. Буланиным, что информация из источников не позволяет на сегодняшний день назвать имя с полной научной достоверностью (см.: [Буланин]).

В данной работе будет рассмотрена проблема авторской рецепции пастырского слова на примере текста проповеди «Слово 35. Поучение на день трех святителей: Василия Великаго, Григория Богослова, Иоанна Златоустаго, Похвала о пастве прилежания их. И о лживых пастырях, и на еретики, и на нынешния раскольники». В силу значимости для автора предметов речи она насыщена необходимым материалом для освещения поставленной проблемы.

Поскольку обозначенная тема освещается в проповеди достаточно широко, остановимся лишь на некоторых интересных и показательных отрывках «Слова 35». Условно текст проповеди можно разделить на несколько частей. В центре первой оказывается восхваление трех святителей, ко дню памяти которых проповедь приурочена. В «Слове 35» есть много замечательных пассажей, обнаруживающих трепетное отношение автора к трем святым, но остановимся на одном из них, содержащем сравнение: «Аще чюдень бысть во архиереехъ Ааронъ Ветхаго Закона служитель, его же Моисей облече одеждою священства, коея славы и похвалы достойни суть наши о(т)цы, величьи светилницы. Их же Моисеовъ Творецъ облече в светлую ризу безсмертия, избра ихъ от всехъ живущихъ на земли *не кровь козацю и телячию приносити, но Самаго Агнца безгрешнаго, вземлющаго грехи всего мира. Кровь бесценную Ц(а)ря и Б(о)га И(зра)ил(е)ва, еяже а(н)гг(е)ли желаютъ зрящи приникнути*» [Сборник слов и поучений «Статир», л. 195]². Для возвышения роли святителей проводится их сравнение с крупной ветхозаветной фигурой — первосвященником Аароном. Если он удостоился великой славы, то, по логике текста, еще большей славы достойны святители. Интересна аргументация этого положения: объектом жертвоприношения в первом случае были обычные жертвенные животные («кровь козаия и телячия»), а во втором — «кровь бесценная Ц(а)ря и Б(о)га И(зра)ил(е)ва, еяже а(н)гг(е)ли желаютъ зрящи приникнути» (т. е. описывается суть таинства Евхаристии). Сравнение проникает, пожалуй, в один

² Далее текст рукописи цитируется по данному источнику с указанием номера листа в скобках.

из самых существенных аспектов ветхо- и новозаветной обрядовости, который восходит к вероучению и одновременно и роднит две традиции, и обособляет их друг от друга. Сопоставление с ветхозаветной фигурой внушительных масштабов еще раз подтверждает значимость святителей для автора. Он продолжает сравнение и сопоставляет святителей уже не с ветхозаветным персонажем, а с ангелами, возводя первых еще выше в священной иерархии: «Сего ради с(вя)тии наши о(т)цы, прославишася, / и болшихъ даровъ сподобишася, / паче а(н)гг(е)ловъ, / оны бо трепещутъ зрети, / а они руками подъемлюще, / и вернымъ подающе» [л. 195 об.]. Так, святители по достоинству оказываются выше самих ангелов. Интересно, что причина такого превосходства — возможность совершения ими Евхаристии. Это таинство, как известно, совершают все рукоположенные иереи. Таким образом автор, не высказывая мысль об этом напрямую, как бы ставит себя в один ряд со святителями. Если продолжить эту мысль — что вряд ли делал сам автор, поскольку это суждение могло бы представиться ему дерзновенным, — то окажется, что сан простого священника уже возносит его обладателя на уровень ангелов, а оправдывается это священнослужителем или нет — отдельный вопрос. Конечно, здесь существует множество нюансов, связанных уже с областью теоретического богословия, но тот факт, что приведенное сравнение утверждает в том числе и значимость служения автора как священника, а значит, и его пастырского слова, не вызывает сомнений.

Вторая часть проповеди переносит слушателей в современность и содержит критику священников, не оправдывающих своего высокого призвания. Интересно, что основную причину упадка в среде священства автор видит именно в недостаточной образованности его представителей. Критикуемые священники оказываются некомпетентны в вопросах веры, и ни теоретически (учением), ни практически (праведностью жизни) не подают пример своим духовным чадам и не ограждают их от распространения ереси.

Необходимо отметить, что тема ереси — в частности, распространения учения раскольников — особенно волновала автора, и все предшествующие части проповеди как бы подготавливают слушателя к восприятию последней части, посвященной критике расколического движения. Здесь слово

истинного пастыря противопоставляется учению пастырей ложных, уводящих чад церкви на путь гибели. В системе авторской аргументации выделим лишь один из наиболее интересных моментов.

Автор особо отмечает вольное толкование раскольниками Священного Писания и трудов святых отцов Церкви — это прерогатива «мудрых мужей», обладающих компетентностью в вопросах богословия и способных адекватно истолковать священные тексты. Здесь же вводится отрицательное сравнение с древними еретиками, усугубляющее вину раскольников и усиливающее несправедность их учения в глазах адресатов проповеди: «И многая писания о(те)ческая, и пр(о)р(о)къ с(вя)тых протолковали по своему мнению и темному разуму, по научению диаволу, ниже древнии еретицы тако мудрствовали. А здраваго учения не приемлють, и мудрых мужей, и ведущих с(вя)тое писание, иже д(е)нь и ношь тружаются в книжномъ чтении, и от пелень м(а)т(е)рнихъ во училищахъ пребыша — и они ихъ не слушають» [л. 198].

Положения, побудившие раскольников отделиться от реформированной официальной церкви, даже не берутся автором во внимание: они заведомо ложные, т. к. выработывались *некомпетентными* в области богословия людьми, которым противопоставляются «мудрые мужи». В этом проявляется особенность мировоззрения человека той эпохи, и система аргументов автора дает возможность посмотреть на проблему раскола изнутри сознания священнослужителя, погруженного в церковную традицию и наблюдающего церковные нестроения как член общества того времени.

И последний фрагмент, которого мы коснемся в данной работе, представляет собой назидание слушателям — практическое воплощение автором того пастырского слова, значимость которого утверждалась с самого начала проповеди. Это прямое обращение к адресатам с наставлением.

В первую очередь, автор говорит о том, что мирянам не следует уповать на «свой разум», а тем более возноситься над пастырями. В распространении ереси большую роль играет и гордость мирян, стремящихся к самостоятельному осмыслению положений веры, которое, по мнению автора, чаще всего оказывается некомпетентным и приводит к ложным выводам.

Ум «овец» немощен, и для истолкования Писания им даны пастыри, которых и следует слушать: «Ибо первее, познайте яко Хр(ис)товы суть: и яко немощни в разуме, и не можете себе сами пасти на пажити бл(а)г(о)честия. Сего дарова вамъ Хр(ис)тось ради пастырей, да вы слушайте гласа ихъ, не своя бо гл(а)гол(ю)т, но Б(о)жия» [л. 199–199 об.]. В центре фрагмента находится образ, которому член паствы во всем должен подражать, и даже форма для его обозначения использована уменьшительно-ласкательная: «Но во всемъ буди подобень кроткому и бесловесному *овчате*» [л. 200]. Образ овцы обретает объем благодаря следующей за ним метафоре: «Ибо тая приноситъ господину своему *волну, млеко, и тучная, и паки совершенное смирение*» [л. 200].

Эти три элемента приношения получают свою интерпретацию. Так, «волна» (т. е. шерсть) — это одежда и пожертвование нищим, «млеко и тучная» — жертвование «на здания ц(е)рк(о)вная, в монастыри, на размножение хвалы Б(о)жия» [л. 200], третий компонент — смирение — говорит сам за себя. Обозначив необходимость материальных жертвований, автор обращается и к трем аспектам духовного делания христианина: «И самъ приноси Хр(ис)ту истинному Пастырю, *моления, хваления и бл(а)годарения за толика дары Его...*», и божественных даров, за которые стоит возносить хвалу Богу, оказывается также три: «...иже приведе тя *от небытия в бытие, изять тя от усть лва, и породи тя паки с(вя)тымъ крещениемъ в с(ы)н(о)в(с)тво Б(о)жие*» [л. 200]. Перечисленные дары действительно велики в системе христианских ценностей, они носят онтологический характер, и, сопоставляя их с тем, что требуется от человека — смирением, милостыней с жертвованиями и молитвой, — автор обнаруживает разрыв между милосердием Божиим и ожидаемым откликом человека. Трудность последнего оказывается ничтожной в сравнении с дарами, и это соположение должно побуждать слушателей охотнее следовать пастырскому наставлению. Таким образом, в пассаже выстраивается система из девяти элементов, равномерно распределенных между тремя сферами — человеческой, духовной и божественной.

Обобщая сказанное, стоит отметить, что в «Слове 35» автор поднимает различные темы, органично вытекающие одна из другой и друг друга дополняющие, и тема пастырского слова

в данном тексте является одной из центральных. В силу невероятной значимости для автора трех фигурирующих в названии святых, данная проповедь вбирает в себя рассуждения о жизненно важных для него явлениях окружающего и духовного мира, через которые обнаруживается и его рефлексия о *слове учения* как таковом.

Работая над «Статиром», создатель рукописи ощущает себя звеном вневременной иерархически выстроенной цепи, берущей начало от апостолов, продолжающейся в святителях и учителях церкви и включающей любого представителя священства, что налагает на последнего определенную ответственность и требует творческого выражения имеющейся способности к убеждению и красноречию.

Список литературы

Буланин Д.М. Некоторые трудности изучения биографии древнерусских писателей // Русская литература. 1980. № 3. С. 137–142.

Сборник слов и поучений «Статир». 1683–1684 г. // РГБ. Собр. Румянцева № 411. 815 л. 4° (30 x 25), п/у одного почерка, авторская нумерация листов: 1–17 (I счета), 1–517 (II счета), 1–279 (III счета). Сбой нумерации: пропущены лл. 474 (II сч.), 187 (III сч.); нумерованы дважды лл. 439, 443 (II сч.), 189 (III сч.). Утрачены лл. 250, 251 (III сч.).

Соболева Л.С., Мангилев П., прот. Исторический контекст создания сборника проповедей «Статир» и личность автора // Церковь. Богословие. История : материалы II Всерос. науч.-богословской конф. (Екатеринбург, 12 февр. 2014 г.). Екатеринбург : Информ.-изд. отдел ЕДС, 2014. С. 134–145.